

Сегодня. - 1996. - 13 мая. - с. 10.

Понедельник, 13 мая, 1996

Как я упустил карьеру

Виктор Пелевин. Чапаев и Пустота. «Знамя» №№ 4, 5

Андрей Немзер

Дерзнуть на единственно правильное решение слабо. А ведь так просто: ставим черный прямоугольник на две с половиной колонки (по вертикали чуть больше трети газетной полосы), и полный привет. Правда, затруднительно будет верстальщику растолковывать, что сей сон значит, ну да уж как-нибудь. И потом с подзаголовком проблемы. Оно, конечно, черный (белый, серый) прямоугольник в себе содержит все впечатления бытия, а коли так, то на кой шут литеры переводить: Бородиня, мол, с Шаровым новую сатирическую драму с древневерхненемецкого перевели; «Новый», дескать, «Октябрь» напечатал; в третьеполовинном номере за август 1453 года, считая назад от взятия Кортесом Бомбея-на-Эльбе. Ежу понятно, о чем шумят народные вяти. Экономим полиграфмошности, ибо астрономия должна быть гастрономной, как говаривал четырехжды мягкосердечный слезовыводитель интересной наружности.

Пожалуй, прибавку к жалованию за такой раппочин надо будет с главной редакции стребовать. Мелочь, скажете? На одном, скажете, подзаголовке не разживеетесь? О скудомыслие, иначе маловеерим рекомое! Нет все-таки у нас по-настоящему масштабного подхода к текущему процессу! Все никак не научимся разворачивать надлежащую инициативу по-государственному, по-частнособственнически, по-либеральному, по-евразийски. Кто ж велит останавливаться на достигнутом? Будто из-за одной рецензюшки стал бы я огород городить? Если в каждом номере на каждой странице (включая полосную рекламу) хотя бы один материал подавать как должно (белый — все-таки белый! — прямоугольник без подзаголовка да, пожалуй, и без заголовка тоже), горизонты с перспективами обнаружатся столь впечатляющие, что так называемые конкурирующие фирмы утрутся от зависти. А мы, как любимый город, сможем зеленеть среди весны и видеть сны, которые есть жизнь.

Натурально, протесты воспевают. Нота Керзона, ультиматум Талейрана, письмо турецкого султана. Мы (в смысле, конкурирующие фирмы), мол, уже который год эту перспективную методику отработываем. У нас таких прямоугольников, как у

дурака махорки. А если пускаем по мануфактурному сероснежку чернотенные узоры, то исключительно в целях конспирации и маскировки. На испуг то есть попробуют взять. Понятно какую мину при не менее понятной игре соорудить. Смех да и только: кто ж последние пять с гаком тысячелетий не маскируется? Но карнавал-то — дело амбивалентное. Об этом и известный химик Веллингтон пишет. Домаскировались, однако. Довыпендривались. Дифференциальное исчисление, спектральный анализ, рецессивные гены, ностратическое языкознание... Орнамент, говорите? Игра в бисер со свиньями? А попробуй редкий герой на полшажка к родимой Пустоте приблизиться, так теми же шуточками отделаетесь. Отождестви вам хана Батия с Иваном Грозным, Ярославом Мудрым и Юрием Лужковым (Долгоруким), только плечами пожмите да высокомерно улыбнетесь: концепт, орнамент, маскировка, букашки-буковки. Да, маскировка. Да, буковки. (Куда деваться от вашего смыслового тоталитаризма! По одежке ножки протягиваем!) Но насколько же честнее, ответственнее, прямодушнее — не побоимся торжественных слов! Насколько ближе к исконной Пустоте! Вот и текст, оптимальной рецензией на который должен был бы стать вождь прямой прямоугольности, тоже из буковок составленный. Только буковки буковкам рознь: и если на нашем маскараде появиться можно только в «пристойном» виде (листаж, шрифты, персонажи, верстки, сюжет, гонорар, газетная полемика, календарь, налоги, заголовок, стиль, редакторские замечания, источники, интервью, переводы, премии, авторство — будь оно неладно), то сие вовсе не означает, что промез цыган, мушкетеров, таратинов, ковбоев, русалок, набоков, палачей, ослов, шекспиров, бабочек, слонопотамов, борхесов, пастушков, каракустириц, драматеров, розанов, терминаторов, нарциссов и экологов обнаружился просто еще один посетитель. Он сюда зашел не так, как вы, — иначе! Текст его — вынужденный эквивалент молчания, подобно тому как сии жалкие строки — эквивалент единственно достойного эха на вещий голос Пустоты.

Да, я не выдержал марки. Не видать мне премии за внедрение прогрессивного метода. Индивидуализм треклятый сгубил. Готов был похерить и текст, и заголовки, и даже рубрику, но на авторской плашечке запнулся. Ведь если и ее опустошить, то непонятно, кому же главная редакция премиальные выпишет, с кого коллеги из соседних отделов пример брать будут, на свидание с кем заторопятся милловзорные девушки нашего иллюзорного города. Обидно, коли не по адресу. Уж лучше пусть они никуда не стремятся, пусть сидят себе тихо и собственных принцев дожидаются. Мне, семейному человеку, спокойнее, и им чего волноваться в обыкновенной газете вышел обыкновенный текст об обыкновенном тексте.

Пустота — это фамилия рассказ-

чика, что служил при великом мистике Чапаеве адъютантом (комиссаром), то есть проходил процесс посвящения в Пустоту. Важные сведения об Учителе, Ученике (Петьке) и более опытной Ученице (Анне), искаженные легкомысленным «фурмановским» романом и несколько скорректированные (в нужном направлении) фильмом и анекдотами, наконец-то поданы в подобающем ключе. Временами Петьку (мнящего себя литератором-декадентом) посещают сны о сумасшедшем доме, персонал и пациенты которого убеждены в том, что все они живут в России 1990-х годов. Истории помещательства трех сопалатников Пустоты строятся на штампах современного масскульта. Набираясь чапаевской мудрости (и высшей мудрости барона Унгерна — куда без него), Пустота проникается (не)пониманием всего и вся, а заодно уразумевает, что дурдом и окрестности суть мираж, навешенный на него наркоманом и уголовником Котовским. После чего, одолев присущую нам кажимость, Пустота отбывает во Внутреннюю Монголию, которая и есть Пустота. То есть погружается в себя.

Отношение писателя к аудитории хорошо выражено Чапаевым: «Когда приходится говорить с массой, совершенно не важно, понимаешь ли сам произносимые слова. Важно, чтобы их понимали другие». Эта — квазирелигиозная — установка делает излишним обсуждение «философских» и «поэтических» свойств текста. Порядка для замечу, что написан он еще небрежнее, чем прежняя пелевинская проза, а прием перехода из одной «реальности» в другую по-прежнему отработывается весьма технично. (Самую малость хуже, чем у Набокова в *Тема incognita*.) Старательно защищаясь от возможных мировоззренческих претензий, автор заставляет как Чапаева, так и психов время от времени банально издеваться над солицистской премудростью. Трепетно (иронично) поминается бабочка имени Борхеса, которой снилось, что она Кальдерон. Особое раздражение (наряду с окружающей действительностью) у Пелевина вызывают Аристотель и Лермонтов. Много лет назад в аналогичной ситуации Евгений Сидоров создал прекрасную формулу: «Пастернак и Пестредев — бой неравный».

